

УДК 821.111(73)
ББК 84(7 Сое) 44
Г93

Maurene Goo
I BELIEVE IN A THING CALLED LOVE

Печатается с разрешения издательства Farrar, Straus and Giroux Books for Young Readers, an imprint of Macmillan Publishing Group, LLC и литературного агентства Nova Littera SIA.

Гу, Морин.
Г93 Я верю в любовь: [роман] / Морин Гу; пер. с англ. А. Авербуха. – Москва: Издательство АСТ, 2018. — 352 с. — (Вместе и навсегда).

ISBN 978-5-17-109410-2

Дези Ли верит, что в жизни возможно все, если придерживаться четкого плана. Именно так она стала президентом школьного совета, звездой футбольной команды и лучшей ученицей в школе, рассчитывающей на поступление в Стэнфорд. Вот только у Дези никогда не было парня. В любви она самая настоящая неудачница, и даже друзья смеются над ее провалами.

Поэтому, когда девушка встречает самого горячего парня на земле, у нее уже есть план по его завоеванию. И неважно, что этот план она подсмотрела в корейских сериалах, которые так любит ее отец, ведь главное в них – герои остаются вместе навсегда.

С рвением отличницы Дези принимается воплощать задуманное. Правда, девушка пока не подозревает: когда на смену прописанному сценарию приходит настоящая любовь, законы логики перестают работать и все встает с ног на голову.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7 Сое) 44

ISBN 978-5-17-109410-2

Copyright © 2017 by Maurene Goo
© А. Авербух, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2018

*Для всех поклонников
корейских телесериалов*

Урок

В семь лет мне казалось, что я могу двигать карандаш усилием мысли.

Я слышала о человеке, который научился видеть сквозь непрозрачные предметы и использовал это, чтобы жульничать в карточных играх. Полностью сконцентрировавшись, он мог делать штуки, которые не под силу обычным людям: парить в воздухе, ходить по углям и передвигать предметы. Всему этому он научился сам и начал с того, что часами смотрел на объект, который хотел сдвинуть с места.

И вот однажды под вечер я убралась у себя на письменном столе и положила на середину розовый механический карандаш, украшенный фигурками кроликов.

Солнце начало садиться. Я закрыла окна шторами, затем захлопнула дверь в коридор, отчего комната погружилась во мрак, села за стол и стала смотреть на карандаш, мысленно приказывая ему сдвинуться.

Смотрела я долго. Казалось, прошло несколько часов. Когда в дверь постучал папа, я, не отводя глаз от карандаша, закричала: «Прошу не беспокоить!». Папа поворчал за дверью, но в конце концов ушел.

Перед ужином он снова постучал и напомнил, что мне надо поесть.

— Сделай перерыв, дорогая!

Во рту пересохло, есть действительно очень хотелось, но я, не сводя глаз с фигурок кроликов, попросила папу оставить еду возле моей двери. Вместо этого он заглянул в спальню.

— Дези!

— Аппа¹, я занята очень важным делом, — прервала я его.

Нормальный отец, наверно, потребовал бы объяснений от семилетней дочери и проявил бы хоть какой-нибудь интерес к тому, зачем она закрылась в спальне и часами смотрит на канцелярский предмет.

Но это был *мой* папа. И так случилось, что его дочерью оказалась я. Поэтому он просто пожал плечами и пошел собирать мне на поднос ужин: рыбу, рис и суп из дайкона с говядиной. Затем вошел и осторожно поставил поднос на стол, стараясь не задеть карандаш.

Я почувствовала запах еды и едва не потеряла сознание, но не позволила себе оторвать взгляд от своего объекта.

— О, аппа...

Не говоря ни слова, папа взял ложкой рис, ею же зачерпнул суп и поднес к моему рту. Я быстро проглотила порцию. Затем он взял кусок рыбы палочками для еды и снова дал мне. Я съела и рыбу. Тогда он поднес к моим губам стакан воды, и я с благодарностью ее выпила.

¹ «Папа» по-корейски.

Наконец, когда с ужином было покончено, папа потрепал меня по плечу и, взяв поднос, направился к двери. Уже закрывая ее за собой, он сказал:

— Не засиживайся допоздна.

Подкрепившись, я почувствовала, что мой мозг силен как никогда, и продолжила смотреть на карандаш.

И что же случилось? Клянусь своей жизнью до этого самого дня, что случилось именно то, чего я хотела: карандаш сдвинулся! Движение было едва уловимым — наверное, никто, кроме меня, его не заметил бы, — но в ту секунду, когда розовый карандаш слегка сместился ко мне и замер, я закричала. Потом выскочила из-за стола и, не в силах поверить своим глазам, потянула себя за волосы, затем начала бегать кругами и пританцовывать, после чего плюхнулась лицом в подушку и уснула. Трюк с перемещением я пыталась проделать и с другими предметами: с ластиком, от которого пахло клубникой, с украшением в форме балерины, которое втыкается в торт, с кедровым орехом. Но ничего не выходило. Несмотря на это, я еще несколько лет считала, что могу двигать предметы силой мысли. Втайне я знала, что существую в своем маленьком мире, где случается волшебство. Причем случается оно не с обычными людьми, а только с избранными.

Со временем эта детская вера в возможности моего могучего мозга начала угасать. Я не потеряла ее разом, столкнувшись с суровой реальностью жизни, где нет места чудесам, как это обычно бывает. Я просто переросла ее.

Но не утратила веры в то, что определенных целей можно достичь только упорством и терпением. Если

у вас есть оба этих качества, то нет ничего такого, с чем бы вы не справились.

Для семилетнего ребенка, недавно потерявшего мать, эта вера оказалась безумно мощным стимулом в жизни. Я смутно помню те времена, но в них всегда фигурирует отец. Точнее, его тень — силуэт человека, который укладывал меня спать, готовил ужин и, когда думал, что я его не вижу, часами сидел в кресле в темноте. Тот, кто в три часа ночи поливал мамину герань и ставил мамин будильник на шесть утра, хотя ему можно было спать до семи. Тот, кто каждое утро подолгу смотрел на пустую миску, ожидая, что в ней появится фирменное мамино блюдо — кукурузные хлопья с молоком. Мама всегда наполняла эту миску в одно и то же время.

Затем я случайно подслушала на кухне, как моя тетя говорит дяде:

— Время залечит все раны.

И тогда я решила ускорить процесс.

Я разломала мамин будильник и, едва сдерживая слезы, показала его папе в разобранном виде. Потребовалось несколько недель, чтобы купить новый, но этот будильник папа ставил уже на семь часов. Каждое утро я следила за тем, чтобы хлопья были готовы до того, как папа сядет за стол: это не позволяло ему смотреть на пустую миску. А пока он ел, я поливала герань.

Тогда отец снова стал прежним. Он положил мамино обручальное кольцо на фарфоровое блюдечко, любовно стер пыль со всех ее фотографий в доме, и мы наконец сдвинулись с мертвой точки. Круги под его глазами стали менее заметными, а герань разрослась и полезла на дверь гаража.

Время, бремя... Дези Ли вылечит все раны.

Чтобы действовать, обязательно нужен план. Так я убедила отца позволить мне разводить на заднем дворе гусей, так же спасла от закрытия недофинансированную библиотеку нашей средней школы, поборолa страх высоты — обвязала лодыжки эластичным тросом и прыгнула в свой шестнадцатый день рождения с моста (и лишь чуть-чуть обмочилась); так я год за годом становилась первой в своем классе. Я верила и до сих пор верю, что можно построить свою мечту по кирпичикам и достичь чего угодно благодаря упорству.

Даже влюбиться.

Глава 1

Если представить жизнь как серию ностальгических фотографий, в ней окажется пропущено много скучного. Между размытыми снимками с задуванием свечей на торте по случаю дня рождения и первыми поцелуями будут картинки с сидением на диване перед включенным телевизором, приготовлением уроков и попытками создать идеальную волну с помощью плойки.

Или — в моем случае — с наблюдениями за очередным школьным мероприятием вроде осеннего карнавала. Добавьте к этому нудному зрелищу немного реальной рвоты.

Энди Мейсона рвало в мусорный бак, а я осторожно хлопала его по спине. Это определенно была одна из тех пикантных сцен, которые не войдут в окончательную версию фильма о моей жизни.

Капитан команды по теннису шести футов четырех дюймов ростом выпрямился.

— Все хорошо? — спросила я.

Он осторожно утер рот и застенчиво кивнул.

— Спасибо, Дез.

— Да не за что, но, может быть, не стоит ходить на мозгоплавильную викторину по три раза подряд?

Этим ноябрьским субботним вечером в учебном комплексе Монте-Виста, который раскинулся у моря на отвесном склоне округа Ориндж и был выстроен по последнему слову архитектурного искусства, осенний карнавал был в самом разгаре.

Энди нетвердой походкой направился прочь, пройдя мимо моей лучшей подруги, Фионы Мендозы. Та посторонилась и наморщила нос.

— Наблевал? — уточнила она.

На Фионе были мешковатые тренировочные штаны, накрахмаленная мужская сорочка, туристические сандалии и шарф с узором из молний. Ее сильно подведенные, янтарного цвета глаза смотрели на меня, медленно моргая. Она бы выглядела как принцесса-мексиканка из мультфильма Диснея, если бы не оделась как бродяга и не накрасилась дешевой косметикой.

— Вот всегда у крупных парней такой нежный желудок, — вздохнула я.

— Повезло тебе, — подмигнула Фиона.

Я фыркнула.

— Да ты *обожаешь* больших мальчиков, — продолжила Фиона, которая предпочитала крошечных девочек.

Еще раз фыркнув, я зашлась кашлем, от которого сложилась вдвое, а когда распрямилась, обнаружила, что подруга держит термос.

— Твой отец просил тебе передать, — сказала она.

К крышке скотчем были примотаны две таблетки от простуды и гриппа. Увидев приклеенный здесь же стикер, я улыбнулась. Корявым почерком отца на нем было выведено: «Ешь побольше, даже если чувствуешь себя

дерьмово!». Повсюду виднелись черные пятна от пальцев — «подпись» автомеханика.

Я открыла термос, запахло соленным супом из морских водорослей.

— М-м, спасибо, Фиона.

Мы подошли к скамье и сели.

— На здоровье, но объясни, какого черта ты здесь делаешь? Разве у тебя не *антракоз*¹? — воскликнула она.

— Эй, может, потому что я отвечаю за это мероприятие? И вообще, это не антракоз, а обычная пневмония. Которой у меня, кстати, тоже нет.

— Ты отвечаешь *за все*! Не хочу тебя обидеть, Дези, но это всего лишь школьный карнавал, — Фиона разлеглась поперек скамьи. — Неужели какая-нибудь мелкая сошка из руководства школы не могла бы взять это на себя?

— Кто, например? Джордан? — Джордан был моим вице-президентом, но за него проголосовали только из-за прически. — Он показался бы здесь только завтра. Ни в коем случае. Я не для того потратила на планирование несколько недель, чтобы какая-нибудь скотина могла погубить репутацию карнавала Монте-Висты!

Фиона с ухмылкой посмотрела на меня, как бы позволяя этому странному заявлению остаться в нашем разговоре. Решив, что я достаточно наказана ее презрительным взглядом, подруга продолжила.

— Дез, тебе надо остыть. Мы в старшем классе, успокойся уже. — Поза Фионы говорила о полной расслаблен-

¹ Заболевание легких, обусловленное длительным вдыханием угольной пыли.

ности: она сидела на скамье, скрестив ноги, опершись рукой на подлокотник и положив на нее подбородок.

Прежде чем ответить, я отхлебнула супа.

— Интересно, меня уже приняли в Стэнфорд?

Фиона выпрямилась, выпучила глаза и и указала на меня длинным ногтем, покрытым блестящим лаком.

— Нет. Нет! После того как ты подала туда заявление, я больше не желаю слышать об этом ни слова до конца года. — Она выдержала паузу. — Даже нет, до конца жизни.

— Да, плохо дело. — Я забросила таблетки в рот и запила водой.

Фиона снова уставилась на меня, и от ее взгляда мне сделалось немного страшно.

— Дез, тебя точно примут. Если такую зануду — Мать Терезу, Мисс Америка подросткового возраста — не возьмут, то кого же тогда примут?!

Я снова закашлялась, отхаркивая мокроту с таким звуком, будто приближался конец дней моих. Фиона тут же отодвинулась.

Прежде чем заговорить, я похлопала себя по груди.

— Знаешь ли ты, у скольких человек такая же анкета, как у меня? Средний балл — 4,25, председатель правления учащихся, член школьной спортивной команды, отличный результат отборочного теста, миллиард часов, добровольно отработанных на благо общества...

Услышав эту знакомую песню, Фиона спросила почти скучающим голосом:

— Так разве не *поэтому* ты записалась на собеседование? — Мимо нас проходила группа девушек, и Фиона проводила их глазами. Будучи моей лучшей подру-

гой со второго класса, она выучила наизусть балладу о стэнфордской мечте Дези Ли, как только я начала распевать ее в десятилетнем возрасте.

— Да, но собеседование в феврале, через месяц после подачи заявления. Я нервничаю, потому что срок ранней подачи¹ уже прошел, — пробормотала я.

— Дез, мы уже миллион раз об этом говорили. Ты решила не отдавать заявление раньше, потому что шансы будут выше и все такое.

Я зачерпнула суп.

— Да, знаю.

— Так что не парься, договорились? — Фиона хлопала меня по руке.

Когда с супом было покончено, Фиона ушла искать нашего друга, Уэса Мэнсора. Я снова вернулась на карнавал, чтобы убедиться, что ребята из школьной бейсбольной команды не раздают симпатичным девочкам лучшие призы, а народ не толкается, стоя в бесконечной очереди за мягким мороженым. Направляясь к туалету, я столкнулась с мальчиками из младших классов: они были в безупречно выглаженных стильных футболках, так что я едва их узнала.

— Привет, босс. Как дела? — спросил меня один из них, чьи искрящиеся глаза были полны очарования. Такого типа парни рождаются со способностью влюбить

¹ Есть два варианта подачи документов в колледжи и университеты США: ранний и регулярный. В первом случае заявление подается к 1 ноября в старшем классе школы, во втором — к 1 января.

в себя кого угодно. Почувствовав на себе их взгляды, я покраснела.

— М-м, неплохо. Желаю хорошо повеселиться! — Я неловко махнула им руками с растопыренными пальцами и ушла. Бога ради. *Желаю повеселиться!* Да кто я им, мамочка?! Я мысленно ругала себя, как вдруг кто-то схватил меня сзади за плечи.

— Что происходит, босс? — насмешливо произнес он в нескольких дюймах от моего уха. Уэс. Густые черные волосы, зачесанные назад и идеально зафиксированные лаком (прическа в стиле «помпадур»), безусловно гладкая коричневая кожа, сонные глаза, обрамленные густыми ресницами. Девушки любили его. Да, красавец друг и красотка подруга постоянно напоминали мне о моей непривлекательности.

Я развернулась и шлепнула Уэса. Он схватил мою руку и нахмурился.

— Словами не могла обойтись?

За ним стояла Фиона с огромным пластиковым пакетом, полным розовой сахарной ваты. Я сердито посмотрела на обоих, но, прежде чем успела ответить, начался новый приступ кашля.

— О Дез, — сморщился Уэс, прикрывая нос воротом футболки. — У меня ответственная игра на следующей неделе. Если заболю, я тебя убью. — Как и я, он — ужасный зануда. Его любимый вид спорта — баскетбол, любимый предмет — физика, а любимые увлечения — комиксы и настольная игра «Катанские поселенцы». В Сети он удерживал в ней первенство целых три месяца, пока его не обыграла восьмилетняя девочка из Бразилии.

— Знаешь, чужие микробы могут быть полезны, — парировала я и снова энергично прокашлялась. Уэс и Фиона построили гримасы.

— Ну хватит, доктор Дези, — проворчал Уэс.

— О, я только начала. Может быть, прочесть вам лекцию о будущем фекальных трансплантатов?

Уэс театрально закрыл глаза.

— Давай хотя бы одну неделю обойдемся без рассуждений о достоинствах кишечных бактерий.

Я пожала плечами.

— Отлично. Но когда стану доктором и буду лечить с их помощью сезонные аллергические заболевания, вы, ребята, будете меня благодарить.

— Боже! — Фиона выкинула остаток сахарной ваты в мусорный бак.

Я ждала очередной порции жалоб, но друзья почему-то замолчали. Их взгляд был прикован к чему-то за моей спиной. Я повернулась, и перед глазами оказалась широкая мужская грудь.

— Что такое фекальные трансплантаты? — произнес низкий голос.

Я посмотрела вверх. О господи!

Макс Перальта. Рост — шесть футов два дюйма, сексуальный, красивый и... учится в девятом классе.

Сзади слышалось хихиканье. Когда Фиона и Уэс узнали, что парень, в которого я втюрилась в первую же неделю в школе, оказался девятиклассником, это был «лучший» день за всю историю. В кавычках, конечно.

— О, да ничего особенного. Привет! — произнесла я таким голосом, который едва ли воспринимал человеческий слух. *Дези, если не владеешь собой, просто молчи.*